

УДК 17; 378

Права человека и проблема толерантности к нетолерантным¹

Аннотация. Права человека, как и толерантность, являются важнейшими институтами современного общества. Однако имплементация этих институтов нуждается в квалифицированном этическом прикладном консультировании. Отсутствие такого консультирования порождает искажение сущности этих идей, конфликтные ситуации на различных уровнях социальной жизни. Главная тема этой ситуации – взаимность и общность, а также сопряченность этой общности, взаимная ответственность.

Ключевые слова: ответственность, права человека, прикладная этика, толерантность, этическая экспертиза.

Одной из современных морально значимых ситуаций (в сравнении с ситуациями четверть века назад), нуждающейся в этическом консультировании, представляется ситуация с правами человека и толерантностью.

Институт прав человека, принятая ООН Декларация прав человека, ставшая частью Конституции (Основного закона) ряда стран, – великое достижение цивилизации. Тем не менее, соблюдение прав человека предполагает ответственность, и сама концепция прав человека выработывалась в контексте морали и политической культуры либеральных демократий, основанных на предположении автономных – свободных и ответственных – членов социума. Права человека предполагают взаимность – признание таких прав и за другими.

Между тем, для современной социальной жизни характерен ряд явлений, заставляющих обратиться к осмыслению и более глубокому пониманию оснований концепции прав человека. Прежде всего, это взаимные обиды и претензии отдельных лиц, групп, а то и народов. Организаторы выставок, постановщики спектаклей, писатели, журналисты совершенно неожиданно узнают, что их действия вызвали «оскорбление чувств» верующих, этнических, а то и профессиональ-

¹ Работа выполнена в рамках исследования «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» при поддержке гранта № 18-511-00018Бел_а Российского фонда фундаментальных исследований.

ных групп, от имени которых выставляются претензии, заявления в правоохранительные органы, подаются иски в суды.

Целые страны обижаются на публикации карикатур, объявляют травлю их авторов, а то и охоту на них, оборачивающуюся кровавой бойней, как это было с журналистами французского сатирического еженедельника *Charlie Hebdo*.

Ярким примером рессентимента является волна обличений в харассменте, поднятая в 2017 году некоторыми голливудскими актрисами и перекинувшаяся в корпоративные офисы, за года захлестнувшая западное общество. Вспоминаются объятия и поцелуи 40-летней давности, предъявляются иски на миллионы долларов, общественное мнение вынуждает отстранять от публичной деятельности актеров, режиссеров, продюсеров, менеджеров. В общественной морали и праве формируется необходимость достоверно подтвержденного предварительного согласия на любые проявления половой близости.

Из рассказов коллег знаю случаи претензий родителям со стороны их первенцев, заявляющих, что рождение еще одного ребенка без их согласия нарушает их права, и чтобы родители на их помощь «в этом проекте» не рассчитывали.

Думается, что все вышеприведенные примеры – следствия непродуманной гипертрофированной пропаганды прав человека без учета роли и значения ответственности, что и стимулирует рессентимент, эгоцентризм, конфликты и агрессию. А это уже сфера прикладной этики: консультирования и экспертизы.

Так же, как и сюжет с непродуманным педалированием развития «уполномоченных по правам человека», которое создает странную ситуацию. Уже создание таких уполномоченных – омбудсменов, начавшееся в скандинавских странах, вызывало вопрос: «Разве соблюдение прав человека не является задачей государства и обществу?» Создание таких должностей и их аппарата на содержание государственных и региональных бюджетов, с одной стороны, дает возможность чиновникам отсылать ущемленных в правах в инстанцию, специально созданную для рассмотрения таких обращений, а с другой – возможность синекур для «достойных людей». Что и произошло, например, в Российской Федерации. Более того, появились уполномоченные по правам бизнеса, уполномоченные по правам детей, уполномоченные по правам студентов. На очереди уполномоченные по правам женщин. И это в дополнение к уполномоченным по правам человека! Можно бы поехидничать: мол, в этой ситуации получается, что, наверное, предприниматели, дети, студенты,

женщины – не люди, если бы уже не обсуждался вопрос об уполномоченных по правам животных.

Складывается ситуация, когда благое начинание институционализации прав человека оборачивается «институциональным склерозом», о котором писал М. Олсон [3]. Действительно, гипертрофия социальных институтов – норм, организаций, регламентирующих решения, больше задерживает, чем ускоряет экономическое и политическое развитие. Периоды политической и социальной стабильности, отсутствия потрясений благоприятствуют возникновению и разрастанию групп интересов, обнаружению новых стимулов и выгод. В итоге возникают тормозящие развитие институты. Это подтверждают многие примеры. Послевоенная Германия (где в результате войны традиционные организованные группы интересов были устранены), вскоре опередила по экономическому развитию страну-победительницу Великобританию (где такие группы только укрепились). Другими примерами являются современные Тайвань, Республика Корея, Сингапур, Чили, Китай, где авторитарные режимы не только имели тенденцию к длительным горизонтам планирования, но также сопротивлялись группам специальных интересов или подавляли их: они стремились иметь «жесткие» государства, которые обычно не приспособивали свои политики к организованным группам интересов в конкретных профессиях и отраслях.

Так и с правами человека. Этот институт не может акцентироваться без базового контекста взаимной ответственности. Еще одним близким, если еще более явным по сути, является пример с идеей толерантности, одно время широко обсуждаемой и продвигаемой. Сформировавшаяся и институционализированная в политической, образовательной и культурной среде мультикультурной Канады, она была заимствована в странах Европейского Союза, прежде всего – странах Северной Европы. Не избежала она и постсоветскую Россию. Разрабатывались и реализовывались программы, проводились конференции... Вызовом стали межэтнические конфликты в европейских странах, прежде всего в Германии, Франции, Голландии, скандинавских странах, т.е. государствах с законодательно закрепленными нормами толерантности. Дело дошло до официальных признаний лидерами этих стран «кризиса мультикультурализма», росту консервативных настроений, все более «правому» голосованию. Думается, что дело не в мультикультурализме, а в безответственном понимании толерантности, которая является принципиально взаимным отношением. Причем доверительным. Разве возможна толерантность к нетолерантным?

В своем дневнике 1853-го года П.Я.Чаадаевым была сделана известная запись: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники» [8, 500]. В силу ряда фактов своей биографии [7], П.Я.Чаадаев имел все основания утверждать такую, на первый взгляд парадоксальную, мысль. Но главное – ее содержание: у социализма (как идеологии и политической программы) нет собственной победительной силы и исторической правоты, но еще большую неправоту и слабость П.Я.Чаадаев видит у противников социализма, которых он в другой записи охарактеризовал довольно жестко: «Русский либерал – бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце запада» [8, 469]².

Обычно эту мысль П.Я.Чаадаева трактуют как некую принципиальную и изначальную «левизну» российского социума, его «общинность» и «коллективизм», акцентуацию на распределительной справедливости, доминирование рессентимента в общественном сознании. Такая трактовка представляется поверхностной: еще раньше – в Первом философическом письме – Петр Яковлевич писал об уроке «как не надо», который Россия призвана преподать миру. Можно предложить попытку реконструкции этого урока: в идее «победительности» исторически несостоятельного социализма видится глубокий и принципиально важный смысл. В этой реконструкции полезно обратиться к теории «черных лебедей» Н.Талеба.

Согласно чаадаевскому афоризму, побеждает тот, противники которого неправы, точнее – несостоятельны. Как в футболе, да и в любом спорте – победитель выступил так, как позволил противник. И тут самое время перейти к теории «черных лебедей», под которыми Н.Талеб [5, 6] понимает события, играющие важнейшую роль, но трудно прогнозируемые, происходящие вопреки статистическим трендам. Формализацией такого анализа является аппарат «ренормализационной группы» в теории фазовых переходов в квантовой теории поля – итеративный метод перенормировки, в котором переход от областей с меньшей энергией к областям с большей вызван изменением масштаба рассмотрения системы. Хорошим примером таких событий является иногда неожиданный и необъяснимый приход к доминированию в социуме меньшинства. И при этом возникает иллюзия сохранения господства выбора и предпочтений большинства.

² М.М.Пришвин, не читавший записей П.Я.Чаадаева, в своем дневнике сделал запись, удивительно продолжившую чаадаевскую интуицию: «Накануне революции московская и петербургская интеллигенция держалась за столб дыма. Вот ветер и подул».

Н.Талеб исходит из идеи, что поведение сложной системы как целого нельзя предсказать по свойствам его частей. Так, изучение отдельных муравьев (даже всех муравьев в муравейнике) ничего не даст для понимания устройства муравейника. Для понимания целого важно понимание взаимодействия его частей. Если такой подход применить к социуму, то выясняется, что для его перехода в новое состояние достаточно активности, на первый взгляд не существенной его части, например – небольшого количества бескомпромиссных людей, лично заинтересованных в переходе, вовлеченных в этот процесс, сопричастных ему. И – в случае акцентированной бескомпромиссности (нетерпимости к отклонениям от желаемого должного) и достаточной терпимости большинства – у представителей этого большинства возникает асимметрия в выборе.

Так, люди, соблюдающие кашрут или халяль, никогда не станут есть тrefную или халяльную пищу, которую ничто не запрещает есть остальным людям. Но эти – остальные – вполне могут есть кошерное и халяльное. Если бескомпромиссная группа живет компактно, то ее ценностно-нормативные установки к большинству остаются неприменимы. Но когда такое меньшинство распределено в социуме (в силу экономических факторов или политики государства), то большинство станет подчиняться установкам меньшинства – особенно, если соблюдение этих правил не требует высоких затрат. Во-первых, всякие запреты и ограничения снижают затраты. И, во-вторых, унифицируется рынок товаров или услуг. Отчасти этим объясняется всемирный успех таких франшиз фастфуда, как McDonald's или Starbucks: ограниченное меню выглядит безопасным выбором.

Аналогично рост популярности автомобилей с автоматической коробкой передач связан отнюдь не с тем, что большинство водителей предпочитают ездить на «автомате». Просто те, кто может управлять машиной с ручной коробкой передач, могут спокойно пользоваться и автоматической, но никак не наоборот.

Речь идет не только об экономических, но и политических рынках. Так, в романе М.Уэльбека «Покорность» убедительно показано, как в считанные дни во Франции могут прийти к власти исламисты в результате выборов и политического торга: за либералами остается экономика, социалистам гарантируются социальные блага, зато культура, образование и СМИ становятся подконтрольны исламистам. И социум переходит в новое состояние – при пассивной поддержке обывателей и даже при сохранении большей части элиты. Собственно, аналогичным образом в свое время и Гитлер пришел к власти. Нетерпимое меньшинство может взять под контроль демократию не только с помощью популизма, «бьющего по площадям».

В наше время разработаны компьютерные модели выборов, в которых достаточно некоторому меньшинству превысить определенный уровень, чтобы оказаться способным навязать свою позицию большинству. Похоже, что именно такой подход, с использованием Big Data, реализуется в программах типа Ocean, использованной на решающей стадии избирательной кампании Д.Трампа. Ключевую роль в таких случаях играет работа не столько со своей группой поддержки, сколько с частью электорального «болота», которая может проголосовать за продвигаемого кандидата или партию (аналогично некошерным, которые могут есть кошерное).

В подобных процессах можно отметить роль «дополнительных генераторов». Таковыми могут выступать специальные события (specialevents), способствующие переключению или отвлечению внимания общественного сознания от текущей повестки: поджог парламента, взрывы домов, политическое убийство, военные действия и т.п. В толпе легко вызвать панику. А современное массовое общество потребления к этому даже склонно (об этом чуть ниже).

Развитие общества – в экономике, политике, искусстве, науке, морали, религии – определяется не большинством, а меньшинством. Дело не в делиберации, консенсусах, обсуждениях, комитетах, голосованиях. Для перехода достаточно активного меньшинства, которое должно отвечать нескольким условиям. Во-первых, его численность должна приближаться к 10% социума и, во-вторых, оно должно обладать волей – не только желать достижения целей или также обладать для этого ресурсами. Главное – упрощение проблем и решений в сочетании с самоотдачей таким решениям. Чаще всего это маргиналы, обездоленные молодые люди, лишённые перспективы в традиционном социуме. Именно такая среда порождала викингов, конкистадоров, и прочих людей «свободного состояния» и «длинной воли», оказывавшихся в истории создателями новых империй, которых Л.Н.Гумилев называл «пассионариями» [4].

Русская революция дает тому критическую массу примеров. Начиная с террористов народной воли, продолжения в партии «нового типа» (по словам М.Горького – «чудо-партии» по ту сторону добра и зла), сталинском «ордене меченосцев». И на всех этапах – буквально по П.Я.Чаадаеву – противники оказывались несостоятельными. Достаточно вспомнить состояние династии, поведение кадетов, конфликты в правительстве социалистов, конфликт Л.Корнилова и А.Ф.Керенского в критический момент. Но, повторяю, сама фактология известна достаточно хорошо. Как и труднообъяснимые с традиционных позиций «больших теорий» обстоятельства: маргинальность большевиков даже среди партий социалистической ориентации зи-

мой-весной 1917 года. Отчаянные попытки манипуляции и перехватывания лозунгов. Неудача июньских выступлений. И осенний «ренессанс» – не замеченный публикой октябрьский переворот, проглоченный обществом разгон долгожданного Учредительного собрания. Утверждение советской власти и победа в Гражданской войне. Недавно дошло до того, что эти труднообъяснимые успехи большевиков А.М. Столяров объяснил обращением Л.Д.Троцкого за помощью к инфернальным силам.

Между тем, большевикам и их лидерам (среди которых ведущую роль играли маргиналы, представители этнических меньшинств, недоучившиеся студенты и семинаристы), при всем их циничном политическом лавировании, нельзя отказать в «длинной воле», личной преданности делу отрицания не только царского режима, но и проектов политических противников и временных союзников. Недаром укрепившийся режим первым делом начал избавляться от этих людей.

Но и постсоветская история убедительно подтверждает нетривиальную роль обессиленной политической воли российского общества, его неспособности противостоять бескомпромиссной нетерпимости. Выдвижение Б.Н.Ельцина, результаты плохо продуманных реформ, призывание Ленсоветом А.А.Собчака, утверждение пост-ельцинского политического режима, Чечня... П.Я.Чаадаев оказался прав – Россия преподала и преподает хороший урок роли политической воли в победе меньшинства, роли нетерпимости и настойчивости.

Не менее яркие примеры дает и современный мировой опыт: кризис политики толерантности, «возвращение ислама» и т.п. Общество массового потребления утрачивает образ будущего. Более того – оно боится будущего в страхе потерять настоящее и погружается в аларм и хорроризацию. Тем самым утрачивая иммунитет по отношению к преисполненным воли нетолерантным. И такое было уже в мировой истории – и не один раз.

Становится все более очевидным, что мультикультурализм, неизбежный и полезный в условиях глобализации, и политика толерантности имеют разную природу. Прежде всего, это относится к толерантности, которая воспринимается нетолерантными как проявление слабости. В свое время христианство победило благодаря религиозной нетерпимости и агрессивному прозелитизму, тогда как римское язычество проявляло терпимость к верованиям покоренных народов. Современный ислам, фактически, повторяет этот путь.

Развитие данного круга идей, как представляется, способно пролить новый свет на концепцию «пассионарности» Л.Н.Гумилева, избавив ее от налета паранаучности и наполнив реальным операциональным содержанием. Давно уже замечено, что взрывы «пас-

сионарности» связаны не только с загадочным «космическим излучением», гипотезу о котором высказывал Л.Н.Гумилев [2], или с зонами сейсмической активности, но с другими, более близкими общественным наукам явлениями – например, ростом в демографической структуре социума доли молодежи мужского гендера. Так было в эпоху походов Чингиз-хана, в эпоху Крестовых походов, в эпоху Конкисты... Похожая ситуация была и в России начала XX столетия. Теперь такая ситуация складывается в арабских странах. Молодежь, в силу своей избыточности, не имеющая возможность полноценной социализации, ищет и находит способы самореализации и самоутверждения...

Но в любом случае следует извлечь главный урок и внимательно присмотреться к новым «знающим – как надо», новым носителям нетерпимости, новым самозванцам, желающим и готовым делать других людей счастливыми помимо и вопреки их воле. И всерьез, ответственно ответить на вопрос о допустимости толерантности к нетолерантным. XX век оставил нам урок морали – подсудны не цели, а используемые для их достижения средства. Все хотят добра, только представления о нем различны. Поэтому подсудны именно и прежде всего – средства. Но это уже другая тема.

Толерантность, ее пропаганда и просвещение важны, как и терпимость к экстравагантности, необычности, но в сочетании с жесткими мерами к тем, чья экстравагантность сказывается негативно на других, выражаясь в оскорблениях, унижении, ущербе имуществу, прямом насилии.

Всякая мораль предполагает взаимность и общность, сопричастность этой общности. Если такой общности, общей identity нет, то появляются манипуляторы нормами, «безбилетники», пользующиеся «положенными льготами», а то и злонамеренно разыгрывающие доверившихся «сограждан».

Мораль не столько личностна (как некая система мотивов нравственного поведения), сколько результат действия внеличностных ситуаций и культурных факторов. Любой этос – определенная техника поведения в стандартных ситуациях социальной жизни. Собственно, любая культура (семейная, дворовая, гендерная, корпоративная, профессиональная, национальная) суть множество стандартных ситуаций, сценариев их развития. И каждый носитель такой культуры ждет от других определенного игrania ролей, позиционирования «имиджей» – в соответствии с данным статусом. Некультурный человек – это человек, не адекватный ожидаемому исполнению ролей [1]. В этом плане культура – фабрика социального взаимодействия, работающая на технологию эффективного решения задач, но

и на поддержание доверия, предсказуемости членов общества. Если бы не рутинные моральные правила, мир был бы опасной, враждебной средой, и каждая встреча с себе подобным несла бы угрозу. Моральные правила – даже не писанные – распознаваемы, понятны, предсказуемы. И задача социализации в любой ее форме – донести такие правила до личности. Так же как и последствия их несоблюдения. Так что поле для этического консультирования достаточно широко, а перспективы работы открываются и открываются.

Список литературы

1. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс, Куликово поле, 2000.
2. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-Пресс, 2016.
3. *Олсон М.* Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство, 2013. – 324 с.
4. *Столяров А.М.* Обратная перспектива. М.: ЛитСовет, 2015.
5. *Тaleb Н.Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: 2016. – 768 с.
6. *Тaleb Н.Н.* Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: «Колибри», 2009. – 528 с.
7. *Тульчинский Г.Л.* Чему еще научит российская революция: фактор П.Я. Чаадаева и политическая воля. // Вопросы философии. 2018 № 12. С.131-140.
8. *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1. М.: Наука, 1991.